

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Традиции и перспективы

К 80-летию
со дня рождения
Даниила Антоновича
АВДУСИНА

МОСКВА

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1998

Т.А. Пушкина

ПЕРВЫЕ ГНЁЗДОВСКИЕ КЛАДЫ: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И СОСТАВ*

Немногие древнерусские центры известны таким количеством кладов X века, как Гнёздово. К четырем находкам, подробно описанным последний раз Г.Ф. Корзухиной [6, с. 87–89, № 23–26], в течение 1970–1990-х гг. добавились еще три [1, с. 53; 2, с. 42; 10, с. 171–186]

Таким образом речь идет как минимум о семи комплексах, обнаруженных при различных обстоятельствах: четыре первых – при случайных земляных работах XIX – начала XX в., три последних – при пахоте и в ходе планомерных археологических раскопок, проводимых Смоленской археологической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова на территории Гнёздовского селища.

Неоднократно опубликованные материалы первых гнёздовских кладов достаточно хорошо известны широкому кругу археологов и искусствоведов, обращающихся к ним в поисках аналогий и при рассмотрении вопросов о дате происхождения той или иной новой находки. Особой известностью пользуется так называемый Большой Гнёздовский или Смоленский клад 1867 г. – самая богатая находка, насчитывающая более 100 предметов из серебра, бронзы и железа. Наиболее подробно вещи этого клада опубликованы и описаны Д.И. Прозоровским, А.С. Гушиным и Г.Ф. Корзухиной [4, с. 53–57; 6, с. 87–89; 8]. Ряд особенностей состава этого клада и второго, менее значительного, найденного в 1870 г., заставляет рассмотреть историю их обнаружения и состав более внимательно.

Сведения в литературе о первом гнёздовском кладе несколько противоречивы и не всегда ясны. Настораживает необычность состава – присутствие обломков меча и различный характер повреждения некоторых вещей – часть предметов сломана, а часть обожжена.

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 96-01-00172)

Оружие в составе кладов – явление редкое. Кроме этого случая, оно отмечено только дважды: среди вещей гнездовского клада 1870 г. и киевского, найденного в 1893 г. – в них находились топоры [6, с. 11]. Следует отметить, что Г.Ф. Корзухина, указывая на топор в гнездовском кладе 1870 г., не исключала того, что он происходит из погребения.

Первое издание находки под названием “Смоленский клад” осуществлено в 1869 г. хранителем музея Русского Археологического Общества Д.И. Прозоровским [8, с. 105–128, № 444–4467]. Тремя годами позже публикация была повторена [9], и в обоих случаях указывалось, что клад найден при невыясненных обстоятельствах в 1868 году в 9 верстах от Смоленска в дер. Гнёздово. Вес находки, судя по данным публикаций, составил примерно 7 и $\frac{3}{5}$ фунта.

Однако в изданной в 1872 г. Летописи Императорского Русского Археологического Общества сообщается о том, что на общем собрании Общества в *ноябре* 1867 г. (курсив мой – *Т.П.*) было рассмотрено отношение управляющего Министерством Внутренних Дел от 10 июля того же года с сообщением о находке “разных древних вещей и монет в количестве 7 $\frac{3}{4}$ фунта” в имении Кардо-Сысоевых и предложением о приобретении этих вещей у владельцев, “по внимательному рассмотрению клада в Собрании, определено вещи приобрести для Музея Общества” [7, с. 178].

В изданных Н.И. Веселовским материалах Русского археологического общества говорится об уведомлении Общества в июле 1867 г. смоленским губернатором относительно находки 20 мая *того же года* в дер. Гнёздово недалеко от Днепра на огороде “клада серебряных вещей, положенных в землю без всякого сосуда, весом около 8 фунтов” [3, с. 347]. Действительно, в архиве канцелярии смоленского губернатора хранятся рапорт и опись предметов, найденных рабочими Орловско-Витебской железной дороги в имении Кардо-Сысоева Смоленского уезда весной 1867 г. весом около 8 фунтов (Смоленский областной архив, канцелярия смоленского губернатора, ф. 1, оп. 4, д. 138, лл. 7–8, 11). Опись предметов почти полностью совпадает с опубликованной Д.И. Прозоровским.

Таким образом, находка была сделана именно в 1867 г., а Д.И. Прозоровским при ее издании была допущена ошибка в дате.

В марте 1870 г. найденные в Гнёздове вещи были переданы на хранение из музея Русского Археологического Общества в Государственный Императорский Эрмитаж [7, с. 44]. Кстати, в описи Эрмитажа имеется запись: “Из Русского Археологического общества от 1/III 1870 за № 561”.

В первой публикации Д.И. Прозоровского, на которую ссылались все последующие авторы, названы 12 восточных монет, 6 шейных гривен (из них 2 кованые и 4 плетеные), 10 лунниц, 48 серебряных бусин, 36 подвесок и их обломков, 2 круглые фибулы, 2 овальные фибулы, 2 проволочных браслетообразных кольца, одна фигурка “божка”, одна капторга и меч в обломках.

Опись Эрмитажа и список Д.И. Прозоровского различаются количеством монет – в хранении значится на 1 монету меньше, чем в публикации (ГЭ ОИПК, оп. 994/1–106, о составе монет – ниже).

Особенной неточностью или небрежностью отличаются данные о кладе у Н.П. Кондакова. Так в работе 1891 г. он пишет о предметах “так называемого Гнёздовского клада, происходящих из колоссального кургана близ Гнёздова”,

среди которых указывает 10 монет, 5 гривен, (3 плетеных и 2 кованых), 10 лунниц, 31 подвеску, 2 круглые фибулы, 2 овальные фибулы и капторгу [5, с. 252]. Затем шестью годами позже он неожиданно сообщает, что 6 восточных, 1 англосаксонская, 1 византийская монеты и часть вещей из этого клада хранятся в Оружейной Палате, а среди находящихся в Эрмитаже называет 11 восточных монет, 6 гривен (3 витых и 3 кованых), 2 браслета, 10 лунниц, 35 подвесок, 32 серебряных бусины, 2 круглых фибулы, 2 овальных фибулы и капторгу [13, с. 62].

Следом за Кондаковым о поступлении нескольких монет, в том числе англосаксонской и византийской, а так же “нескольких вещей погребального убора” в коллекции Оружейной Палаты говорит А.С. Гуцин [4, с. 53].

Сообщениям о хранящейся якобы в Оружейной Палате какой-то части Гнёздовского клада противоречит постановление общего собрания Императорского Русского Археологического общества от 14 марта 1870 г. о передаче “Смоленского клада” на хранение в Эрмитаж с тем, чтобы “Эрмитаж постоянно хранит его у себя и не передавал ни в какое другое учреждение” [7, с. 440].

Пока остается неясным, почему появилась версия о нахождении части клада в Оружейной Палате. Г.Ф. Корзухина, отметив, что в изданной описи этого музея поступления из Гнёздова не значатся, осторожно писала “количество и характер вещей, находившихся в Оружейной Палате, установить не удалось” [6, с. 87]. Однако ею же указано, что 8 монет находится в Оружейной Палате и среди них дирхем 737/738 гг., византийская 780–797 гг. и англо-саксонская.

Довольно подробное описание вещей из состава клада было издано А.С. Гуциным [4, с. 53–59, табл. I–IV]. Однако и в этом случае есть небольшие расхождения со списком Д.И. Прозоровского. Так у Гуцина указаны 3 витые гривны вместо 4 и 13 зерновых подвесок вместо 16. Количество монет одинаково – 12 (в описи Эрмитажа – 11).

Последний раз состав клада был исследован и описан Г.Ф. Корзухиной. При этом от списка Прозоровского отличны данные о количестве зерновых подвесок – у Г.Ф. Корзухиной их 13, и о монетах – здесь их 12 так же как и у А.С. Гуцина.

Итак, во всех изданиях первого гнёздовского клада, последовавших после публикации Д.И. Прозоровского, имеются те или иные расхождения в данных о количестве и характере украшений и монет, но везде неизменно указываются обломки меча и две овальные бронзовые фибулы. Что же хранится в Эрмитаже и при каких обстоятельствах была сделана эта находка?

Комплекс, находящийся в Эрмитаже под названием “Смоленский клад”, состоит из 4 витых и 2 кованых серебряных гривен, 10 зерновых серебряных лунниц разного размера, 13 подвесок зерновых и 22 подвесок литых серебряных разной формы и орнаментации, 47 серебряных бус, гладких и зерновых, 2 браслетообразных проволочных колец, фигурки “божка”, капторги, 2 круглых серебряных фибул, 2 овальных бронзовых фибул и 3 обломков меча. Кроме того, в него входят 11 восточных монет: 4 превращены в подвески, 3 половинки и 4 целые (одна из них пробита) (ГЭ ОИПК, оп. 994 № 1–107).

В рапорте о находке старинного серебра в имении Кардо-Сысоевых имеются акт и опись, составленные 8 июня 1867 г. исполняющим должность чиновника по особым поручениям при смоленском губернаторе А. Вавравским. Из текста акта следует, что находка сделана 20 мая на территории, прежде занятой крес-

тьянскими огородами, на глубине 3 четвертей (т.е. около 0,5 м (?) – Т.П.), по весу на безмене – около 8 фунтов. “А за несколько дней до того вблизи этого места были найдены несколько монет старинных... Вблизи деревни Гнездово в лесу, в кургане нашли саблю (курсив мой – Т.П.) переломанную, монеты и воск... Кроме того, незадолго до этого при работах по линии железной дороги найден железный топорик...” (Смоленский областной архив, ф. 1, оп. 4, д. 138, л. 7 об. – 11). В описи найденных 20 мая и немногим ранее и представленных чиновнику вещей значатся (цитирую по документу):

1. Серебряный обруч с розетчатыми накладками.
2. Сплошной(?) серебряный обруч с четырьмя угольными наконечниками.
3. Два плетеных серебряных обруча.
4. Два таких же надломленных.
5. Ожерелье серебряное в виде четок, состоящее из 47 штук.
6. Двадцать две штуки серебряных подвески, отличающихся по форме.
7. Двадцать пять штук подвесок серебряных... (неразборчиво – Т.П.).
8. Десять блях серебряных.
9. Браслет или наручник серебряный с цепочками.
10. Подвеска серебряная и вместе с ней разные маленькие штучки в обломках.
11. Два проволочных серебряных кольца в размер браслета с украшением (в виде монистов?).
12. Четыре монеты целых и четыре половинки серебряных.
13. Тесак железный сломанный. Общий вес $7 \frac{3}{4}$ фунта.

Первое, что следует из акта – сабля (тесак), указанная в описи последней, к найденным 20 мая вещам не имеет отношения.

Второе следует из характера описания: все остальные вещи – серебряные, иных нет. Среди этих предметов достаточно легко узнаются кованые и витые гривны (6 штук), бусы серебряные (47 штук), проволочные браслетообразные кольца (2 штуки), лунницы, т.е. “бляхи” (10 штук), подвески различной формы (всего 47 штук) и 8 монет. Можно предположить, что под “браслетом или наручником” следует понимать капторгу, украшенную по краю бахромой из цепочек, а под “подвеской серебряной” круглую серебряную фибулу с продетым в отверстие на краю проволочным кольцом. Среди указанных восьми монет могли быть не только найденные вместе с серебряными украшениями, но и найденные за несколько дней до того неподалеку, а также вместе с переломанной саблей в кургане.

Таким образом, в составе клада, предъявленного властям не многим более, чем через 2 недели после находки, не было клинка и, вероятно, бронзовых украшений, т.е. меча, овальных и одной круглой фибулы, которые присутствуют в описи Государственного Эрмитажа, изданиях Прозоровского и всех последующих публикациях. Монет было всего 8, а не 12, как указано у Д.И. Прозоровского или 11, как значится в описи Государственного Эрмитажа, и тем более не 20, в отличие от сообщения Г.Ф. Корзухиной. И что особенно важно, их связь с кладом доказать невозможно.

Теперь обратимся к сохранности вещей, хранящихся под именем Смоленского клада в Государственном Эрмитаже. Большинство серебряных украшений имеют

хорошую сохранность, но некоторые из них повреждены: у двух витых гривен сломаны замок и раскованный конец; одна из литых подвесок с изображением переплетенных драконов разломана на три части; несколько обломков от других литых подвесок; большая лунница пробита в трех местах маленькими аккуратными дырочками. Иными словами, все эти вещи имеют механические повреждения. Обе бронзовые овалы фибулы повреждены в результате действия огня (!): у одной оплавлен край, у другой выгорела часть верхней ажурной накладки – это можно заметить не только при осмотре самих вещей в хранении, но и на изданных фотографиях [4, 1936, табл. II, 4; 8, рис. XX]. Становится совершенно очевидным, что серебряные вещи и бронзовые овалы фибулы принадлежат разным комплексам.

Серебряные украшения, скорее всего, составляют собственно клад – об этом говорит не только их состав, чрезвычайно близкий кладовым комплексам, происходящих не только с территории Древней Руси, а также то, что найдены они на территории селища – на это указывает сообщение о ведении земляных работ на месте бывших огородов д. Гнёздово и указание очевидца на участок к востоку от валов Центрального городища (Архив ИИМК, АК, ф. 5, № 401, л. 431).

Таким образом, клад 1867 г., известный в литературе как Большой Гнёздовский, или Смоленский, клад, состоял только из серебряных украшений и, что вероятно, но недоказуемо, нескольких монет.

Можно предположить, что четыре половинки монет, указанные в описи А. Вавравского, это действительно те обрезки, которые были определены М. Броссе и опубликованы Д.И. Прозоровским. Их определение совпадает с описью Эрмитажа: монета Ахмада бен Исмаила, 908 или 909/910 гг.н.э., монета Насра бен Ахмада 934 г., и две монеты Нуха бен Насра 950 и 951 гг. Трудно сказать, какие четыре из остающихся в коллекции музея шести монет действительно относятся к данной находке.

Исключение из состава этого клада меча и бронзовых овальных фибул (к тому же обожженных) сразу лишает его некоторой необычности, на которую иногда указывали исследователи. Действительно, ни в одном из скандинавских кладов, обстоятельства находок которых достаточно ясны, нет бронзовых овальных фибул ни целых, ни в обломках. Равно как неизвестны находки оружия среди открытых сокровищ [14, s. 58].

Более естественным было бы отнести овальные фибулы и обломки меча к погребальным комплексам, одному или разным, сказать трудно. Но если меч (или сабля, как сказано в отчете А. Вавравского) был найден в кургане вместе с воском, то скорее всего это было трупоположение. Характер же повреждения фибул указывает на их связь с трупосожжением.

Второй гнёздовский клад, менее богатый, как считают, был найден в 1870 году. Подробно он был описан только Г.Ф. Корзухиной, в его составе значатся две серебряные зерновые лунницы, семь серебряных же бусин и 23 стеклянных бусины и, бляшка бронзовая (набор амулетов на колечке – *Т.П.*), девять целых дирхемов и два подражания им, 53 фрагмента восточных монет, топор железный [6, 1954, № 24, с. 88–89, рис. 16, 31–37].

В описи хранящихся в Эрмитаже вещей монеты не указаны (ГЭ ОИПК, оп. 995/1–10).

Публикуя эту находку, Г.Ф. Корзухина очень осторожно высказала сомнение в принадлежности топора данному комплексу. Как оказалось, исследовательница была совершенно права.

В письме Министерства внутренних дел от 20 августа 1870 г. говорится о препровождении в Государственный Эрмитаж пяти монет и “нескольких других предметов”, найденных на земле Кардо-Сысоевых. На полях листа пометка от руки об определении монет – все они саманидские (Архив ИИМК, АК, ф. 1, 1870, д. 25, л. 1).

В Отношении Правления Общества Земской Орловско-Витебской железной дороги в Министерство внутренних дел от 27 августа 1870 г. сообщается в очень краткой форме о находке 11 июля на земле Кардо-Сысоевых двух медных котелков “с разными монетами и древностями” и о получении служащими железной дороги от тех рабочих трех монет, двух пряжек и одного топора. Здесь же на полях рисунок монеты-подвески и пометка от руки, что это монета-подражание, а две другие монеты чеканены саманидами (Архив ИИМК, АК, ф. 1, 1870, д. 25, л. 1).

Сохранился рапорт смоленского уездного полицейского управления в канцелярию смоленского губернатора от 16 июля 1870 г., из которого следует, что 11 июля было сделано как минимум две независимые друг от друга находки. Полицейский пристав докладывал следующее: “...в кургане (курсив мой – Т.П.), где брали балласт обвалилась земля в виду рабочих и вместе с землей вывалились ржавленный медный котелок вроде ведра; в нем были мелкие кости и что-то вроде мелкой яичной скорлупы, медное колечко с пластинкой и двумя медными спичками (щитообразная подвеска-амулет с двумя миниатюрными изображениями копий – Т.П.), около котелка прилипшая береста, которою, вероятно, был обернут. Спустя несколько минут ремонтный рабочий ... откапывая ... обвалившуюся землю, нашли горшок глиняный, в коем были кости и пепел, горшок этот разбился; потом нашли другой котелок медный, в котором тоже были кости и земля и недалеко от этого кургана, где найдены котелки, рабочие, копающие камень на ровном месте (курсив мой – Т.П.) нашли старинные деньги, насыпанные в какой-то ... (непонятно) все серебряные, один серебряный обруч как надет на руку, несколько треугольничков серебряных вроде застежек и разные стеклянные крали (бусы – Т.П.). Копавшие камень рабочие, представляя при дознании вещи и монеты, объясняли, что найденное ими какое-то кольцо как бы надевают на руку, было совершенно истлевши и, при рассматривании изломано и брошено там же на землю. ...представляю полученные при означенном рапорте пристава два котелка, три целых монеты, пятьдесят три обломка монет, восемь серебряных, двадцать две стеклянных крали, медное колечко, сломанную пуговичку и две серебряные с ушками монеты” (Смоленский областной архив, ф. 1, оп. 5, д. 180, лл. 1–2).

Вероятно, рапорт уездного полицейского управления, составленный по результатам дознания пристава, проведенного всего через 3–4 дня после совершения находки, более точно отражает обстоятельства и ее состав. Если это так, то тогда оказывается, что в июле 1870 г. в Гнёздове во время строительных земляных работ были сделаны две самостоятельные находки: в кургане были найдены два котелка с женными костями, глиняный сосуд и подвеска-амулет, а непо-

далеку от этого места – серебряные украшения (“серебряный обруч как надет на руку” и “несколько треугольничков серебряных вроде застежек”). Топор, значащийся в описи Гос. Эрмитажа, не имеет отношения ни к одному из выявленных комплексов.

В результате раскопок С.И. Сергеева и И.С. Абрамова в Гнёздове были известны 4 кургана с металлическими котлами, содержащими остатки трупосожжений [11, с. 44, 46; 12, с. 189]. Два больших кургана располагались в Центральной группе и два в Ольшанской. Случайная находка 1870 г., судя по всему, связана с территорией Лесной группы. Второй комплекс 1870 г. – монеты, стеклянные бусы и какие-то серебряные украшения, обнаруженные на “ровном месте”, вполне могут оказаться кладом. Некоторая неясность возникает с количеством найденных и сохранившихся монет и бус.

У Г.Ф. Корзухиной указаны 11 целых монет и 53 обломка, из которых все обломки были сплавлены, а три монеты переданы в Смоленский музей. В рапорте о полученных у находчиков вещах названы пять монет, из которых две превращены в подвески, и 53 обломка монет. Трудно объяснить разницу в шесть дирхемов, как и вообще отсутствие монет в описи Эрмитажа.

Так же мало понятно расхождение в количестве бус: в публикации значатся 23 стеклянных бусины, в рапорте и музейной описи – по 22; серебряных бус должно было быть, как указано в рапорте, восемь, тогда как в публикации и описи отмечены только семь.

Сопоставление сведений из архивных и музейных документов с материалами публикаций позволяют утверждать, что действительный состав гнёздовских находок, известных как клады 1867 и 1870 гг., отличался от знакомых специалистам по литературе. Точное количество и характер вещей, составлявших эти комплексы, к сожалению, не может быть восстановлен. Однако совершенно очевидно, что обломки меча, обожженные бронзовые фибулы, топор и медные котелки не имеют к ним отношения.

Каким образом в состав рассмотренных находок попали некоторые вещи, не указанные в описи А. Вавравского и рапорте смоленского полицейского управления, составленных вскоре после их обнаружения, вероятно, может помочь понять еще один документ из канцелярии смоленского губернатора. В рапорте пристава от 22 июня 1867 г. сообщается о доставке найденных в Гнёздове 15 штук кралей (бусин – *Т.П.*), куска воска, топорика, железной подковы, части пряжки и обломка герба и далее пишется “имею честь представить для присоединения к прочим вещам, найденным в деревне Гнёздово” (Смоленский областной архив, ф. 1, оп. 4, д. 138, л. 14). Совершенно очевидно, что в конечном итоге оказались объединенными предметы, найденные в разное время и при разных обстоятельствах на участках проведения земляных работ, связанных со строительством железной дороги в районе Гнёздова.

Оба гнёздовских клада довольно широко привлекались и привлекаются при поисках аналогий или возможного определения времени бытования того или иного вида или типа украшений или предметов вооружения, перечень как отечественных так и зарубежных авторов будет достаточно длинным. Неясность или даже недостоверность монетного состава указанных комплексов лишает их возможности, как мне кажется, быть использованными для каких бы то ни было хронологических построений и выводов.

Литература

1. Авдусин Д.А., Каменецкая Е.В., Пушкина Т.А. Раскопки в Гнёздове // АО 1975 г. М., 1976.
2. Белоцерковская И.В., Пушкина Т.А., Петрухин В.Я. Раскопки в Гнёздове // АО 1973 г. М., 1974.
3. Веселовский Н.И. Из истории Императорского Археологического Общества за первые 50 лет его существования. 1846–1896 гг. СПб., 1900.
4. Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.
5. Кондаков Н.П. Указатель Отделения средних веков Императорского Эрмитажа. СПб., 1891.
6. Корзухина Г.Ф. Русские клады X–XIII вв. М.; Л., 1954.
7. Летопись Императорского Русского археологического Общества. СПб., 1872. Т. VII. Вып. 1–2.
8. Прозоровский Д.И. Опись предметов, хранящихся в музее ИРАО. СПб., 1869.
9. Прозоровский Д.И. Смоленский клад // Известия Русского Археологического Общества. СПб., 1872. Т. VII.
10. Пушкина Т.А. Новый Гнёздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996.
11. Спицын А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.
12. Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных И.С. Абрамовым в Смоленской губернии в 1905 г. // Записки отделения русско-славянской археологии. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1.
13. Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. V.
14. Jansson I. Wikingerschmuck und Munzdatierung. Bemerkungen zu einer Neuerscheinung // Tor. Uppsala. 1969. Vol. XIII.